

В.А. Костенич (Могилев)

**СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ИМПЛИКАЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ
ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА**

На одном из надгробий античной Греции была запечатлена весьма необычная эпитафия, посвященная некоему анонимному историческому лицу.

Текст эпитафии гласил: «Он прожил сто лет, но умер едва родившись». В этой же связи (попутно) вспоминается символический диалог двух действующих лиц старой театральной драмы, в которой главному герою задается, на первый взгляд, схоластический вопрос: «Ответь, пожалуйста, о ком это: Есть и Нет?» (!) На что вопрошаемый риторически отвечает: «Я, что ли?».

Очевидно, что эти литературные сюжеты объединены общим «философским знаменателем». В них иносказательно проговаривается и тематизируется архетипичная для человеческого существования проблема смысловых индикаторов и личностной «подлинности» нашего присутствия в (собственном) бытии! Человек оказывается перед вечным вопросом об истоках и масштабах своей бытийной «самости». В его сознании сталкиваются обывательская суета «столетней календарной временности» и его же несвершившаяся самобытность. Так много прожито, но практически вся жизнь «мимо себя самого». Вместо неустанного, асимптотического приближения к себе – экзистенциальное транжирство собственных бытийных перспектив. Безликое и безличное времяпрепровождение. Жизнь без духовного потрясения тем (пастернаковским) обстоятельством, по которому каждый человек – «времени заложник, у вечности в плену».

Настоящая литература прекрасна тем, что она находит свои, неординарные, маршруты к человеческой сути. Тем, что отзеркаливает наше спящее самосознание к дремлющим в нем личностным формациям Смысла; тем, что поселяет нас в собственную жизнь посредством «возможных миров» Иного, где сами Мы оказываемся причудливо предугаданы, окольно диагностированы и заочно предупреждены.

В отличие от банального менторства настоящая литература взывает к нам пунктирно, междометиями тревожащих образов, историями человеческих судеб и трагикомедиями нарративно обыгранных сюжетов. Человеку предлагается эмпатия вживания в «тексты жизни», в их глубинную символику, в «порождающую праматику» смысловых артикуляций, одетых в композиционную семантику творчески структурированных Слов. Через богоподобную ономастику Слов (живописно и прострельно) настоящая литература изымает из хаоса повседневности безымянные содержания, наделяет их статусом «выказанности», благодаря этому превращает в артефакты сбывшегося бытия, в Космос человеческих откровений, в «информацию к размышлению».

Однако от «слов (о "Словах") к делу». Следует хотя бы тезисно-лапидарно проиллюстрировать выданный настоящей литературе ангажемент на каком-нибудь литературном образце, в сюжетном пространстве которого содержательно явлены философские возможности «смысловых замыканий» с герменевтикой человеческого бытия. В качестве «философски нагруженного» текста воспользуемся замечательным (по нашему мнению) стихотво-

рением Е. Евтушенко «Картинка детства». Прежде, чем мы процитируем его собственно философскую квинтэссенцию, кратко «доведем до Ума» сюжетную предысторию описываемого там события.

Евтушенко поэтически реконструирует в данном стихотворении одно свое детское воспоминание о том, как он вместе со своими друзьями-сверстниками оказался нечаянно вовлечен в ситуацию «коллективного возмездия» в отношении некоего «проворовавшегося» персонажа. Последний был не однажды ранее уличен в недолжном поведении, но так и не внял увещаниям и предостережениям в свой адрес со стороны временно толерантных к нему «потерпевших». В результате же чаша их терпения переполнилась праведным гневом и, в конце концов, свершился «страшный (само)суд».

Оказавшись в том месте, где разъяренная свора «обиженных» вершила свое «уличное правосудие», дети увидели, что: «толпа глухою стала разъярясь. / Толпа на тех, кто плохо бил, роптала / и нечто, с телом схожес, топтала / в снегу весеннем, превращенном в грязь». Более того, один из наиболее активных участников этого «побоища», в запале творящегося «священнодействия», приглашающе обратился к будущему поэту с призывом: «Добавь и ты, малыш!».

С этого момента и начинается «настоящая литература». Философия жизни покидает философские кафедры, чтобы вещать «поэтическим глаголом» о смысложизненных пропастях и вершинах человеческого духа. Завершающая строфа заслуживает своего дословного воспроизведения.

Евтушенко пишет (курсив везде наш. – В.К.):

«Не помню, сколько их, галдевших, било.
Быть может, сто, быть может, больше было,
но я, мальчишка, плакал от стыда.
И если сотня, воя оголтело,
кого-то бьет – пусть даже и за дело! –
Сто первым я не буду никогда!»

А теперь подвергнем данный стихотворный отрывок мировоззренческому контент-анализу. Зададимся рядом «непростых» вопросов.

Во-первых, спросим себя, кто плачет от стыда во фразе «но я, мальчишка, плакал от стыда». На первый взгляд, здесь все ясно. Плачет «Евтушенко-мальчишка». Непонятно, правда, на каком (экзистенциальном) основании он чувствует себя лично пристыженным в том, в чем сам не участвовал?

Во-вторых, как понимать выражение «Сто первым я не буду никогда!». Позволим себе легкое ерничество. А «девяносто девятым», «пятьдесят восьмым» или, например, «первым» сойдет? Разумеется, Евтушенко-поэт декларирует этим финальным аккордом своего стихотворения личный запрет на «вхождение в любую Толпу» как такое столпотворение «человекоподобных», которое размывает и покушается на нашу бытийную уникальность.

Но тогда возникает третий вопрос: о «количественном минимуме толпы» как особого человеческого сообщества. Сколько человеческих воль должны объединиться в едином порыве, чтобы состоялась «толпа». Есть ли у толпы «числовая репрезентация» и величина?

Прежде чем предложить Ответ(ы) на поставленные Вопрос(ы) обратимся (за возможным «ключом к разгадке») к феномену наших «автобиографий», которые, как известно, начинаются с пресловутого зачина: «Я, Ф.И.О, родился такого-то числа, такого-то месяца, в таком-то году, там-то и там-то...». В подобном «само собой разумении» скрыты, однако, свои смысловые подполя. Дело в том, что в синтаксисе цитированной фразы «запятая» между «Я» и «Ф.И.О.» порождает иллюзию сугубо «лингвистической границы» во взаимоотношениях двух обозначенных «персонажей».

Однако, так ли все просто и однозначно в данном смысловом измерении? Так ли уж всегда некое человеческое «Ф.И.О.» имеет право автоматически именовать себя еще и в качестве «Я». Разве невозможно представить себе такую ситуацию, когда «Ф.И.О.» есть, а «Я» у этого «паспортного» субъекта «нет». Может быть, об этом (и) говорилось в сценическом диалоге, который мы приводили в начале статьи?

Но в таком случае, возвращаясь к Евтушенко, мы можем теперь высказать предположение, что «плакал от стыда» за поведение «других» не столько «мальчишка», сколько «Я» в мальчишке! Именно наше «Я» испытывает (в человеке) не бытовую, а бытийную ответственность за все происходящее в мире, за свое «не алиби в бытии» (М. Бахтин). Именно наше «Я» оберегает личностную ипостась человеческого «местоимения» от грехо(в)падения в воинствующее безличье «человека массы», живущего календарными сроками прозябания и утехами «хлеба и зрелищ».

Многоголовая гидра «Толпы» начинается... с «одного» человека, позволившего себе безмятежность анонимного существования. Евтушенко-человек осознал это еще будучи «Евтушенко-мальчишкой».

Выход только один: ликвидировать заторы «бытийных знаков препинания» наших повседневных обезличенных «двойников».

Жить «от первого лица». И в Жизни! И в Мысли!

На кону собственные Судьба и Личность!